

Эта огромная пагода ещё и захохотала и, спустившись на пол, тотчас же громко затараторила:

— Старший брат, сестрица[1], на самом деле с вами всё в порядке? Вот уж действительно странно, по-моему, я видел, как вражеские войска переодевались и вдобавок вплотную стерегли городские ворота. Я ещё предположил, что Юэчжун захватили негодяи. — Говоря это, Чжунши подошёл к Ле Чжунлю.

Все его движения, когда он поднимался, поворачивался и опускался на пол, были проворны, свободны и крайне естественны, однако внешность сильно выделялась из толпы, так как он был высоким и крепким. К удивлению, Чжун Ши наполовину превосходил Жун Тяня в росте, больше напоминая великана.

Цю Лань и Цю Юэ на короткое время позабыли про Сяоцю и, выпучив глаза, уставились на этого крупного мужчину.

Фэн Мин смерил взглядом его и спросил у Ле Чжунлю:

— Министр, это...

На что Ле Чжунлю легко и свободно махнул рукой:

— Это мой младший брат — Ле Чжунши.

— Младший брат? — Фэн Мин совершенно не знал, что у Ле Чжунлю есть ещё младший брат.

Но тоже верно: раз уже у Ле Чжунлю неожиданно появилась способная избивать жёнушка, которая по совместительству ещё и помощник полководца, то вполне очевидно, что есть также внезапно прыгивающий с балок младший брат, достаточно похожий на гору Тайшань[2].

Как видно, те, кто являлся семьёй Ле Чжунлю, были далеко не простаками.

— Чжунши, подойди и познакомься — это князь Мин из Силэй, а это сам император Силэй.

Ле Чжунши хоть ростом был огромен, однако характером — хороший, услышав слова Ле Чжунлю, он широким шагом подошёл и проговорил:

— Приветствую князя Мина! Приветствую императора Силэй! — и без малейшей опаски лучезарно улыбнулся как Фэн Мину, так и остальным.

Цю Юэ, повернув голову, прошептала на ухо Цю Син:

— Это, должно быть, двоюродный младший брат министра?

Девушки не имели пристрастия к ним, просто-напросто обращали основное внимание на внешность. Оглядывая их, близняшки заметили, что Ле Чжунши и Ле Чжунлю совершенно разные. Хотя Ле Чжунлю обычно вёл себя странно и иногда мог рыдать в голос, однако, судя по внешнему виду, его действительно можно было считать «юношей» с выдающимися талантом и внешностью, он мог служить примером для других. А вот Ле Чжунши был совершенно другим человеком: здоровый, со спиной тигра и поясицей медведя[3], с наивным и очень скромным лицом.

Тем не менее стоящая сзади близняшек Вэй Цюнян, услышав шёпот Цю Юэ, холодно проговорила:

— Он правда родной младший брат Ле Чжунлю. В семье Ле существуют только два брата.

— Не верно, не верно! — девушка не последовала примеру Цю Лань и заговорила, не понизив тона, и Ле Чжунши тотчас же услышал и, качая головой, громко ответил: — В семье Ле, кроме старшего брата и меня, есть ещё Доудоу[4] и Сяоцю.

Схватив сидящего в ладони Ле Чжунлю зверька, который как раз купался в ласке Цю Лань и Цю Юэ, и поднеся к Фэн Мину, Ле Чжунши официально представил:

— Это и есть Сяоцю.

Будучи грубо схваченным, Сяоцю недовольно запищал, протестуя.

Фэн Мин обрадовался, увидев простодушие, откровенность и прямолинейность характера младшего брата Ле Чжунлю, и, терпеливо поздоровавшись, сказал со смехом:

— С Сяоцю я уже знаком, вот только кто такой Доудоу?

— Ещё и Доудоу, ха? Где Доудоу? — Познакомив с Сяоцю, Ле Чжунши, похоже, вспомнил про другого, которого не было рядом, и, нахмутив густые брови, оглянулся, громко крича: — Доудоу! Доудоу! Куда ты спрятался? Скорее выходи!

Сам Ле Чжунлю, мало того, что был огромен, так ещё и голос звучал, словно большой колокол, сотрясая и вызывая жужжание в ушах.

Все были вынуждены отступить назад, держась от него поодаль.

Жун Тянь к подобным делам никогда не имел интереса, и, узнав, что пробравшийся в город противник из себя ничего особенного не представляет, уже понемногу терял терпение. Но,

увидев, с каким интересом относится Фэн Мин к Ле Чжунши и Сяоцю, император Силэй крайне воодушевился, к тому же у него рука не поднималась портить князю настроение, и в результате Жун Тянь терпеливо присоединился к Фэн Мину, составляя последнему компанию.

— Доудоу — это наш слуга, его ещё зовут Ле Доу. Но Чжунши нравится звать его детским именем[5], они с Чжунши с детства вместе росли и не расстаются ни на минуту, — объяснил Ле Чжунлю Фэн Мину.

Князь угукнул, выражая понимание.

Однако Цзы Янь и Жун Тянь обладали почти одинаковым характером, и так же, как император Силэй, молодой генерал к делам относился надлежащим образом, а потому не удержался и, воспользовавшись удобным случаем, подошёл к Ле Чжунлю, с серьёзностью спрашивая:

— Министр, только что Вы сказали, что в городе внезапно обнаружился неприятель, неужели этот неприятель — Ваш младший брат и его слуга?

На что Ле Чжунлю слегка кивнул, говоря: «Верно».

Обнажив благоговейный вид, Цянь Линь проговорил:

— В таком случае я первым покину вас и прикажу прекратить поиски, чтобы избежать напрасной паники в городе.

Цзы Янь, являясь старым товарищем генерала Цяня, присоединился к разговору:

— Я пойду улажу это дело, к тому же хочу лично обойти все окрестности, только тогда я успокоюсь.

— Пожалуй, сходи. Не забудь отправить сюда первую часть войск, чтобы охраняли это место, так как даже безлюдная резиденция помощника генерала представляет опасность.

— Понял, следовало ли тебе отдавать подобный приказ? — ответил Цзы Янь, смеясь, и вышел из комнаты.

Однако Ле Чжунши по-прежнему громко звал Доудоу.

Все посчитали, что Доудоу должен быть где-то поблизости, и как только его позовут, он тотчас же появится, но вопреки ожиданиям, Ле Чжунши долгое время звал слугу, но даже тени его не появилось.

Лоб Ле Чжунши от волнения покрылся испариной, а сам парень изо всех сил почесал затылок:

— Плохо дело! Плохо дело! Доудоу потерялся! Что делать? Что делать? Плохо дело! Плохо дело! — Кружась на месте, Ле Чжунши бормотал: — Я не должен был его оставлять, знал бы, не оставил его... — Растерянность вскоре прошла, а сам парень неожиданно изо всех сил потянул себя за уши, словно наказывая, отчего они вскоре окрасились ярко-алым.

Добросердечная Цю Лань, увидев, как похожий на медведя высокий парень беспокоится, словно ребёнок, мягко и утешающе проговорила:

— Не волнуйся, даже если он потерялся, то всё равно должен находиться в Юэчжуне, наш князь Мин очень заботливый и может кому-нибудь приказать помочь тебе найти Доудоу.

Однако это совершенно не утешило Ле Чжунши.

Он, услышав слова Цю Лань, нахмурил брови и, качая головой, заговорил:

— Тебе не понять, Доудоу очень глупый — если потеряется, то его не найдёшь. Доудоу... Доудоу очень глупый....

Не успел парень закончить фразу, как откуда-то донёсся оглушительный крик:

— Кто очень глупый? Глупый здесь только ты! Ле Чжунши очень глупый!

Вслед за этим перед прихожей появилась чья-то тень, выскользнув из-за декоративной каменной горки, что находилась в саду, сам же человек был облачён с головы до ног в красное платье, талию свободно перевязывал пояс, похожий на льняной, который был шириною с половину ладони. Создавалось ощущение, что это дух огня спустился на землю, а его живые глаза сверкали гневом[6].

Называя Ле Чжунши «глупым», охваченная злостью тень прошла в прихожую, и каждый её шаг словно сотрясал комнату.

Все внезапно застыли и не успели опомниться, как этот «великан», ещё здоровее Ле Чжунши, спешно вошёл в комнату, представ пред всеми.

Этот человек, неожиданно оказавшийся ещё выше Ле Чжунши, был с такой же спиной тигра и поясницей медведя, а от ушей и до края губ у него росла густая чёрная борода.

Фэн Мин глядел, вытаращив глаза.

«Охренеть, где же произвели такой «горошек»[7]?»

«Немного не дотягивает до Тарзана».

Ле Чжунши, увидев, что «горошек» нашёлся, крайне воодушевился, бросился вперёд, тотчас же обнял его и, сияя от радости, проговорил:

— Доудоу, оказывается, ты и не терялся, это очень здорово! Очень здорово! — и почти запрыгал от радости[8].

Заключённый в объятия Доудоу оттолкнул парня и, указывая на его нос, забранился:

— Ле Чжунши, это ты глупец! Как ты мог сказать, что я глупый?

Ле Чжунши, будучи жестоко отпихнут, с изумлением сказал:

— Разве ты не глупый? Ясно слыша, что я тебя зову, почему не выходил?

— Вспомни, что ты сказал: «В резиденции второго генерала очень опасно, и нам необходимо одному открыто появиться, а второму — затаиться. И пока ты не произнесёшь кодового слова, мне нельзя выходить».

— Но я крикнул, чтобы ты выходил!

— Но ты не произнёс кодового слова-а!

— Я и сейчас не произносил кодового слова, почему тогда ты вышел?

— А как я мог не выйти? Ведь ты обзывал меня глупым!

— Я не обзывал тебя.

— А кого тогда обзывал?

— Я не обзывал, я лишь сказал... сказал, что ты глупый и всё, но не обзывал.

— Это и есть обзывательство! Проси прощения!

— Это не обзывательство, а лишь слова.

— Это обзывательство!

— Слова.

— Обзывательство!

Двое рослых парней громко и долго спорили на эту малосодержательную тему, вызывая жужжание в ушах и периодически стряхивая пыль с балок.

На всех стоящих рядом людей, в том числе и старшего брата — Ле Чжунлю — с его женой Вэй Цюнян, никто не собирался обращать внимание.

— В конце концов, ты извинишься или нет?

— Почему это я должен извиняться?

— Не извинишься, значит, именно ты глупый!

— Я — молодой господин, а ты — слуга, разве может слуга называть своего господина глупцом?!

— Я — слуга, а ты — молодой господин, а как может молодой господин называть своего слугу глупцом?

— Молодой господин не глупец, в отличие от слуги.

— Если слуга глупый, в таком случае его господин наверняка ещё глупее.

— Кто сказал?

— Я сказал.

Глядя на их перепалку, которая никак не заканчивалась, все обменялись растерянными взглядами.

Даже Жун Тянь, нахмутив брови, обратился к Ле Чжунлю:

— Прошу министра разнять их, чтобы больше не шумели.

На что тот, горько усмехнувшись, ответил:

— Они с детства так громко шумят и без шума уже не могут, к тому же когда ссорятся, совершенно не слышат чьих-либо уговоров. — Увидев, что государь ещё больше нахмурился, мужчина обнажил крайне довольный вид и равнодушно добавил: — Неважно, хоть они и не слышат уговоров, однако всё же есть способ, который заставит их не шуметь.

Фэн Мин тотчас же спросил:

— Что за способ?

Ле Чжунлю, вернув Сяоцю, находящегося до этого в руках Ле Чжунши, выпустил на ладонь и весьма заумно проговорил:

— Нужно, чтобы Ле-эр погладил Сяоцю, тогда поможет.

Этот способ такой странный...

Цю Лань совершенно ничего не понимала:

— Ваш младший брат и Доудоу ссорятся, а Ле-эр гладит Сяоцю, как это связано между собой?

Ле-эр безразлично ответил:

— Гладить значить гладить, если способ министра не принесёт своих плодов, то за убытки мне всё равно возместят. — Потянувшись всем телом, юноша действительно пошёл ближе и, вытянув руку, погладил очаровательную пушистую голову Сяоцю.

Сяоцю покорно лежал на ладони Ле Чжунлю, но как только рука Ле-эра вытянулась и коснулась его, зверёк внезапно вскочил и, встав в боевую стойку, неожиданно вцепился зубами в ладонь между большим и указательным пальцем юноши.

Ле-эр от резкой боли ойкнул и тотчас же отдернул руку, где уже красовался маленький след от зубов Сяоцю. Зверёк хоть и был маленьким, однако зубы у него и впрямь были острыми, укус получился безжалостным и таким точным, что вскоре укушенное место окрасилось в тёмно-красный, а уже через мгновение половина белой ладони стала алой.

Цю Лань и несколько служанок вскрикнули, заставляя даже сердце Фэн Мина вздрогнуть.

Однако Ле Чжунши оставался невозмутим и сказал со смехом:

— Не волнуйся, зубы у Сяоцю не ядовиты. Ты только что его чем-то ударил, а он крайне злопамятный, вот и укусил тебя, утоляя ненависть, после этого он не воспользуется случаем внезапно атаковать тебя.

Ле-эр расстроился.

Оказывается, Ле Чжунлю знал, что Сяоцю может отомстить, и кто бы мог подумать, что этот подлец скажет ему, Ле-эру, вытянуть руку и погладить Сяоцю!

Цянь Линь, привыкший к войне, не почувствовал ничего по отношению к этой маленькой ранке, наоборот, ему стало любопытно: каким образом Ле Чжунлю собирался остановить бесконечный спор между Ле Чжунши и Ле Доу, и спросил:

— Министр, министр разве не говорил, что стоит Ле-эру погладить Сяоцю, как они тотчас же перестанут шуметь?

— Разумеется. — После отмщения Сяоцю вновь спрятался в рукаве Ле Чжунлю, а сам мужчина, взяв истекающую кровью руку Ле-эра, сделал несколько шагов вперёд, медленно подходя к яростно спорящим Ле Чжунши и Ле Доу, и, встав перед ними, со смехом сказал: — Чжунши, не нужно шуметь.

Спор Ле Чжунши был как раз в самом разгаре[9], к тому же разве мог мужчина обращать внимание на уговоры старшего брата, наоборот, он всё так же кричал на Доуду:

— Сердишься, ну и сердись, однако зачем назвать меня глупым? И вовсе я не глупый, вдобавок очень умный, мой старший брат скажет, что я умный, моя сестрица скажет, что я умный, каждый скажет, что я умный, и никто не назовёт меня глупым.

— Оказывается, это я назвал тебя глупым, — заворчал Ле Доу.

Хоть он и говорил, что Ле Доу слуга Ле Чжунши, однако нисколько не боялся этого второго молодого господина, а большие, словно коровий колокольчик, глаза пристально глядели на Ле Чжунши.

Цю Син, увидев это, потрясла головой и шёпотом незаметно для всех проговорила Цю Юэ и Цю Лань:

— Неудивительно, что в их семье никто не в состоянии сделать выговор, посмотрите на министра, обычно он невыносим, но встретившись со своей женой, ничего не может с ней поделаться. По-моему, боюсь, что даже его младший брат со своим слугой тоже не справится.

Ле Чжунлю, видя, что на него не обращают внимания, совершенно не разозлился и по-прежнему сказал со смехом:

— Чжунши, смотри.

— На что смотреть? — рассеянно[10] спросил Ле Чжунши, не отводя взгляд от стоящего перед ним Ле Доу.

Ле Чжунлю вздохнул и, взяв кровоточащую ладонь Ле-эра, поднял перед глазами Ле Чжунши.

— Допустим, ты сам глупый, тогда почему по-прежнему называешь меня глупым? Я сказал тебе, что я... — Ле Чжунши успел вымолвить лишь половину слов, как только взгляд упал на окровавленную ладонь, голос стих, глаза закатились, а сам парень в томительной тишине повалился вперёд.

Стоящий напротив Ле Доу, внезапно увидев, что парень падает на него, расторопно[11] поддержал его, начав кричать:

— Молодой господин, молодой господин!

Все опешили.

— Плохо дело! — сильно обеспокоенный Фэн Мин уже готов был броситься на помощь, но оказался заключён в объятия Жун Тяня, который, слегка улыбаясь, покачал головой, словно говоря, что не нужно действовать опрометчиво.

Впрочем, стоящая в стороне Вэй Цюнян непринуждённо смотрела на шумиху.

Ле Чжунлю, словно вырвав волосок из шкуры быка[12], отпустил руку Ле-эра и, смеясь, пояснил:

— Мой младший брат боится крови, увидев её, непременно теряет сознание. А если уж потеряет сознание, то, естественно, тогда прекращает ссориться.

Вот оно что!

Кто бы мог подумать, что такой здоровый дубина внезапно поведёт себя как девочка и, увидев кровь, тотчас же потеряет сознание.

Все, с недоверием посмотрев на мужчину, перевели взгляд на упавшего в обморок Ле Чжунши.

Кстати говоря, Ле Чжунлю, этот старший брат, всё же действительно был с характером.

По крайней мере к всеобщей радости решил проблему с его спорящим младшим братом.

К этому времени вышедший из гостиной и уже осмотревший окрестности Цзы Янь уже вернулся, войдя в комнату, молодой генерал доложил Жун Тяню:

— Государь, здешний второй отряд войск обезврежен и находится без сознания, некоторых спрятали в резиденции, некоторых — за декоративной каменной горой в саду. Ваш подчинённый уже проинструктировал первый отряд и приказал занять свои посты.

Молодой генерал повернулся и, обессиленно улыбнувшись, обратился к Ле Чжунлю:

— Не ожидал, что второй сын семьи Ле и его слуга обладают такими поразительными навыками, второй отряд, состоящий из хорошо обученных солдат, которых я отобрал из своего войска, оказался оглушён, причём так неожиданно, что даже сигнал тревоги не успели подать.

Ле Чжунлю слегка улыбнулся:

— Скрывать следы и неожиданно нападать — можно сказать, своеобразный дар младшего брата.

Вэй Цюнян, фыркнув, проговорила:

— Воровать кур и искать собак[13], прибегая к всяческим уловкам, — он последовал учению своего старшего брата.

При жене ходящий как по нитке Ле Чжунлю покорно ответил:

— Жёнушка права, из-за того, что я дурной и испортил младшего брата, — сразу же озорно улыбаясь, приблизился, вставая рядом.

Вэй Цюнян ничего не могла поделать с его наглостью и, отвернувшись, тихонько буркнула:

— Я не говорила, что ты научил его плохому.

Примечания:

[1] Дружеское обращение к жене старшего брата.

[2] Гора Тайшань, находящаяся в провинции Шаньдун, — одна из пяти священных гор даосизма.

[3] Обр. в знач.: богатырское сложение; здоровый, дюжий.

[4] Кит. «горошина», «горох».

[5] В Китае на протяжении тысячелетий существовала традиция ритуальной смены имён в связи с достижением определенного возраста или смены занятия. При рождении младенец получал официальное имя (мин) и «молочное», или детское имя (сяо-мин). Детское (молочное) имя используется только близкими родственниками в кругу семьи. Молочное имя очень похоже на наше домашнее прозвище.

[6] В оригинале фраза звучит как «[как алмазы] сверкающие гневом глаза». Есть идиома: «С таким же ужасающим видом/лицом, как у божества-хранителя храма», что означает: злое (сердитое) выражение лица; яростный (гневный, страшный) вид).

[7] Здесь игра слов, так как «Доудоу» означает «горошек».

[8] В оригинале фраза звучит как «руки пляшут, ноги притоптывают», обр. в знач.: прыгать от радости.

[9] В оригинале фраза звучит как «сверкать яркими огнями и белыми цветами», обр. в знач.: пышный; бурный, кипучий, в разгар чего-л.

[10] В оригинале фраза звучит как «сердце (внимание) находится не здесь», обр. отсутствующий (мыслями), рассеянный, невнимательный, поглощённый своими мыслями.

[11] В оригинале фраза звучит как «проворные руки и быстрый глаз», обр. в знач.: быстрый, расторопный, проворный.

[12] Обр.: ничтожный; незначительный; лишь одна песчинка; капля в море.

[13] Обр. в знач. а) тащить что попало; вор; б) вести бесчестный образ жизни; заниматься грязными делами; бесчестный человек.

<http://bllate.org/book/13377/1190205>